

исполнения наказаний (Strafvollzugskonkordat): Восточная Швейцария (Ostschweiz), Северо-Западная и Центральная Швейцария (Nordwest- und Innerschweiz), Латинская Швейцария (Lateinische Schweiz). При этом речь идет о межкantonальных соглашениях, которые восполняют пробел между федеральным и кантональным законодательством и направлены на унификацию норм уголовно-исполнительного права посредством обязательных предписаний и рекомендаций.

nakazanj (Strafvollzugskonkordat): Vostochnaja Shvejcarija (Ostschweiz), Severo-Zapadnaja i Central'naja Shvejcarija (Nordwest- und Innerschweiz), Latinskaja Shvejcarija (Lateinische Schweiz). Pri jetom rech' idet o mezhkantonal'nyh soglashenijah, kotorye vospolnjajut probel mezhdu federal'nym i kantonal'nym zakonodatel'stvom i napravleny na unifikaciju norm ugotovno-ispolnitel'nogo prava posredstvom objazatel'nyh predpisanij i rekomendacij.

Некоторые вопросы сравнительного анализа института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве

С.П. ДОНЕЦ – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов в теории права вообще и теории уголовного права в частности – о средствах дифференциации ответственности. Автор обращает внимание на то, что в доктрине уголовного права не оформлено положение о сквозной регламентации смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств-признаков состава преступления, что ведет к противоречивому толкованию их правовой природы. В работе проводится сравнительный анализ института дифференциации уголовной ответственности в зарубежном и отечественном уголовном праве и законодательстве, подчеркивается роль квалифицирующих и привилегирующих признаков как средства дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; дифференциация; квалифицирующие признаки; зарубежное и отечественное уголовное законодательство.

Some questions of comparative analysis of the concept of criminal responsibility differentiation in the foreign and Russian legislation

S.P. DONETS – associate professor of the Chair of criminal law of the Vologda State Pedagogical University, Cand.Sc. (Law), docent

The article is devoted to one of the disputable questions in the law theory as a whole and criminal law theory in particular – the problem of means of differentiation of responsibility. The author pays attention to the fact that the criminal law doctrine hasn't got a model concerning through regulation of mitigating and aggravating circumstances as constituent elements of offence, because it leads to contradictory interpretation of their legal nature. The aim of article is to provide a comparative analysis of the concept of criminal responsibility differentiation in the foreign and Russian law and legislation. The author emphasizes the role of qualifying and privileged criteria as means of differentiation of criminal responsibility.

Key words: criminal responsibility; differentiation; qualifying criteria; the foreign and Russian criminal legislation.

Современная преступность все в большей мере приобретает транснациональный характер. На этом фоне в настоящее время в мире существует огромное количество

угроз существованию человеческой цивилизации (терроризм, экоцид, геноцид и т.п.). Негативные процессы затрагивают национальные системы, в том числе националь-

ную правовую систему Российской Федерации, и это требует решения такой серьезной проблемы, как установление соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом¹.

В связи с изложенным заключим, что изучение института квалифицирующих и привилегирующих признаков зарубежного уголовного права необходимо для четкого осмысления места российской правовой системы среди других мировых правовых систем. Кроме того, усвоение основ зарубежного уголовного права важно для любого юриста, стремящегося получить фундаментальные знания в области уголовного права².

По нашему мнению, юридически закреплённый институт дифференциации ответственности в уголовном законе стран континентальной Европы, англосаксонского, мусульманского права и России следует рассматривать как особую регулятивную модель уголовного правоотношения, направленную на повышение эффективности уголовного права в России и за рубежом. Необходимо подчеркнуть, что в науке уголовного права существуют разные классификации правовых систем в целом и уголовно-правовых систем в частности. Например, Рене Давид на основе социологического критерия и юридической техники выделил три вида правовых систем: романо-германскую, систему общего права и социалистическую систему³. У А.В. Наумова речь идет о четырех системах: романо-германской, англосаксонской, социалистической, мусульманской. Расширенный перечень оснований выделения правовых систем встречается у Н.Е. Крыловой и А.Е. Серебренниковой, которые считают, что правовая семья – это более или менее широкая совокупность национальных правовых систем, которые объединяет четыре основных критерия: 1) близость происхождения источников; 2) сходство основных понятий; 3) сходство приемов юридической техники; 4) сходство способов толкования⁴. О.Г. Соловьев отмечает разность приемов юридической техники в странах англо-американского и романо-германского права⁵. Другие исследователи признают основанием дифференциации зависимость правовой системы от роли позитивного, объективного права⁶. Называется в литературе и такое основание деления уголовно-правовых систем, как роль уголовно-правового принуждения в политике государства (репрессивная, карательная, гуманистическая)⁷.

Система типов уголовно-правовых систем, по утверждению О.В. Ведерниковой, постоянно развивается и дополняется с учетом проявляющихся исторических тенденций⁸. Добавим, что особое влияние на эту сферу оказывает процесс глобализации. Нельзя не констатировать и то, что на рубеже 1980–1990-х гг. масштабные преобразования в мире, направленные на демократизацию правящих режимов, укрепление прав и свобод человека, развитие рыночных отношений, привели к коренным изменениям в политических и социально-экономических системах более чем половины стран на планете.

В период с 1990 г. по настоящее время новые уголовные кодексы приняли все страны СНГ, Балтии и бывшие республики Югославии, а также Абхазия, Австралия, Андорра, Буркина-Фасо, Бутан, Восточный Тимор, Вьетнам, Гвинея, Джибути, Иран, Испания, Йемен, Кабо-Верде, Катар, КНР, Колумбия, Косово, Макао, Мали, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Польша, Приднестровская Молдавская Республика, Пуэрто-Рико, Румыния, Сальвадор, Сент-Люсия, Словакия, Судан, Турция, Франция, Эфиопия. Коренные преобразования тогда же претерпели уголовные законодательства Болгарии, Бразилии, Венгрии, КНДР, Кубы, Португалии, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Аргентины, Болгарии, Венесуэлы, Доминиканской Республики, Индонезии, Камбоджи, Перу, Чехии, Чили, Шотландии⁹.

Перечисленные страны составляют две основные группы: 1) группу государств, в которых установился приоритет индивидуализации ответственности перед ее дифференциацией, где судья при определении ответственности и наказания ориентируется лишь на общие указания закона, для которого характерны абстрактность правовых предписаний, широкие формулировки диспозиций и санкций, судебское усмотрение, а следовательно, минимальное количество средств дифференциации ответственности, в том числе квалифицирующих и привилегирующих признаков (индусская, мусульманская и другие восточные системы права); 2) группу государств, в которых закон детально дифференцирует ответственность и наказание, хотя и с разной долей средств дифференциации¹⁰.

Одним из дискуссионных вопросов в сфере дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности является влияние на степень вины, а значит и на назначаемое наказание, наличия у вино-

вного состояния алкогольного опьянения или опьянения, вызванного употреблением наркотических средств или других одурманивающих веществ. В российском уголовном праве в настоящее время он стоит достаточно остро.

Важно отметить преювенность некоторых новелл относительно учета такогоотягчающего обстоятельства, как совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, в уголовном праве дореволюционной России и уголовном законодательстве Советского государства, а также рассмотреть варианты решения этой проблемы в уголовных кодексах стран постсоветского пространства и уголовных законах зарубежных стран.

Так, при учете отягчающего обстоятельства, указанного в п. «о» ст. 56 УК Узбекистана (совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием наркотических средств, психотропных или других веществ, влияющих на интеллектуальную деятельность), «суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать отягчающим любое из обстоятельств, предусмотренных в части первой настоящей статьи»¹¹.

Надо подчеркнуть, что п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. также наделял суд правом признавать состояние алкогольного опьянения обстоятельством, отягчающим ответственность, в зависимости от характера преступления. В действующем УК РФ в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, приведенный в ст. 63, не входит совершение преступления в состоянии опьянения. Более того, ст. 23 УК РФ устанавливает уголовную ответственность лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, на общих основаниях, что не помешало состоянию опьянения отечественному законодателю внести в ст. 264 УК РФ в качестве квалифицирующего признака.

Как справедливо полагают некоторые ученые, «схема психологического анализа влияния на уголовную ответственность психических расстройств в рамках вменяемости пригодна и для оценки значения состояния опьянения в момент деяния, запрещенного уголовным законом»¹². Но в силу действия ст. 23 УК России, нравится нам это или нет, влияние опьянения на состояние психической деятельности лица, совершающего общественно опасное деяние, чаще

всего не подвергается специальному исследованию со стороны правоохранительных органов. Более того, состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения, по мнению законодателя, не только презюмирует полную вменяемость, но и характеризуется тем, что обычно рассматривается обвинением в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (ранее – в рамках характеристики личности, а с момента введения в действие федерального закона от 13.02.2009 г. № 20-ФЗ – в рамках квалифицирующих признаков).

Не нами и не вчера признано то обстоятельство, что алкоголь, наркотики и им подобные одурманивающие вещества наряду с другими факторами играют принципиальную и далеко не последнюю роль в нарушении баланса сил возбуждения и торможения, вызывающем в итоге психические аномалии, то есть неадекватное поведение. Специалисты отмечают, что само состояние опьянения увеличивает психическую и двигательную активность, затрудняет концентрацию внимания; у человека происходит переоценка возможностей, снижается самокритика. В состоянии опьянения растормаживаются инстинкты и проявляются скрытые особенности личности и переживания, контролируемые в трезвом состоянии (ревность, тщеславие, обиды и т.п.)¹³.

В силу сказанного в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран реализуется принципиально иной подход к оценке влияния состояния опьянения при совершении преступления на уголовную ответственность субъекта.

Например, уголовное право ФРГ исходит из понятия так называемого намеренного опьянения: если субъект должен был считаться с возможностью совершения преступления, находясь в состоянии опьянения, и, несмотря на это, привел себя в такое состояние, то перспектива смягчения наказания для него отсутствует. В ином случае к правонарушителю может быть применена норма, регламентирующая основания уменьшенной вменяемости¹⁴.

Уголовный кодекс Австрии также предусматривает возможность смягчения наказания преступнику, совершившему деяние в состоянии опьянения, но именно в зависимости от предкриминального поведения. Так, § 35 УК Австрии устанавливает, что наказание может быть смягчено, если преступник находился в состоянии опьянения, не исключающем вменяемости, и если обусловленное этим состоянием снижение

порога вменяемости не требует упрёка, касающегося употребления опьяняющих средств¹⁵.

Но не только зарубежные, но и наши до-революционные криминалисты предлагали в некоторых случаях рассматривать состояние опьянения (в силу действия конкретных факторов) как смягчающее наказание обстоятельство. В частности, Н.Д. Сергиевский отмечал, что психическая деятельность субъекта, находящегося в состоянии опьянения, может напоминать картину, связанную с влиянием психических аномалий¹⁶.

Н.С. Таганцев высказал следующее предложение: «В интересах юридического вменения необходимо различать две степени опьянения – полное и неполное. К опьянению полному нужно отнести не только наступление полной бессознательности и сна, но и ту стадию, когда опьяневший утрачивает способность распознавать зависимость и причинную связь явлений, когда под влиянием ненормального состояния органов чувств сфера его представлений получает субъективную окраску и рассудок утрачивает способность управлять действиями. Такое психическое состояние, несомненно, устраняет вменяемость. Опьянение неполное будет обнимать все предшествующие, первичные стадии, причем вменяемость, несомненно, существует и возбужденное состояние обвиняемого может только, смотря по обстоятельствам, влиять на выбор меры ответственности»¹⁷.

По нашему мнению, рассмотрение положительного опыта зарубежных стран и выводов российских юристов позволяет заключить, что состояние опьянения способно влиять на наказание и, соответственно, меру ответственности преступника перед обществом. Для того чтобы определить степень влияния, необходимо, как справедливо полагает С.В. Векленко, выделить несколько наиболее типичных ситуаций употребления различного рода одурманивающих веществ: 1) приведение себя в состояние опьянения для облегчения совершения преступления (для смелости)¹⁸; 2) употребление для поднятия настроения при осознании специфических особенностей своего поведения в состоянии опьянения (предвидение возможных противоправных последствий и игнорирование их)¹⁹; 3) употребление для удовольствия, сопряженное с самонадеянным расчетом на предотвращение возможных общественно опасных последствий (наиболее типично для лиц, управляющих различными транспортными средствами либо

иными механизмами); 4) употребление из любопытства, сопряженное с отсутствием предвидения возможности наступления общественно опасных последствий своего поведения в состоянии опьянения (употребление впервые); 5) употребление против воли лица: по ошибке либо в результате противоправного принуждения.

Мы разделяем приведенное мнение в том, что учет перечисленных ситуаций, внутреннее субъективное содержание которых имеет существенное сходство с законодательными конструкциями форм вины, при определении меры ответственности субъекта преступления, действовавшего в состоянии опьянения, позволит реально снизить угрозу невинного вменения и даст правоприменителям возможность действовать в строгом соответствии с принципом вины.

В этих целях вполне разумно учитывать первую ситуацию как обстоятельство, усиливающее ответственность и отягчающее наказание; вторую и третью ситуации по правилам, закрепленным в ст. 23 УК РФ; четвертую и пятую в качестве обстоятельства, смягчающего наказание²⁰.

Анализ зарубежного уголовного законодательства в части использования отягчающих и смягчающих обстоятельств-признаков состава преступления позволил сформулировать следующие выводы:

1. Проблема дифференциации ответственности не является актуальной исключительно для российской уголовно-правовой политики²¹. Соответствующее явление находит отражение в уголовном законодательстве всех развитых европейских стран, США, стран Балтии, СНГ и других республик постсоветского пространства. Можно дополнительно классифицировать дифференциацию ответственности в зависимости от стадии уголовно-правового отношения, от того, служит предметом дифференциации единичное преступление или их множественность, от стадии посягательства.

2. По месту, занимаемому отягчающими и смягчающими обстоятельствами-признаками преступления в системе института назначения наказания, уголовные законодательства зарубежных стран можно классифицировать, выделив несколько самостоятельных их групп. Так, в первую группу войдут кодексы, в которых анализируемые обстоятельства закреплены в положениях Общей части (Италия, Испания, Австрия, Франция, Узбекистан, Таджикистан, Украина, Белоруссия и т.д.). Вторую группу обра-

зуют кодексы, где перечень обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, полностью отсутствует (Япония, Китай, Бельгия, ФРГ, Австралия, Голландия). В рамках третьей группы отягчающие и смягчающие обстоятельства-признаки преступления рассматриваются применительно к отдельным видам наказания (Польша, США, Швейцария).

3. Зарубежным законодателем при конструировании отягчающих и смягчающих обстоятельств-признаков сравнительно часто применяются оценочные дефиниции, использование которых при назначении наказания представляется сложным ввиду появления слишком широких возможностей для толкования (например, «особо известно»).

4. В уголовном законодательстве ближнего зарубежья наблюдается выраженная тенденция к унификации законодательной формы квалифицирующих признаков, когда используются идентичные, устойчивые сочетания (например, «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»²²).

5. Отечественная система уголовно-правовых норм, регламентирующих дифференциацию ответственности, в том числе и с помощью квалифицирующих и привилегированных признаков, хотя и не безупречна, но в целом соответствует научным представлениям об анализируемом институте. В частности, специальные основания освобождения от ответственности в странах континентальной Европы помещаются в отдельные части (пункты) статей Особенной части, что в технико-юридическом плане не совсем логично. В частях (пунктах) статей Особенной части уголовного кодекса описание должны находить составы преступле-

ний (основные, квалифицированные, особо квалифицированные). Лучшим местом для рассматриваемых норм являются примечания к статьям Особенной части (как это и принято в УК РФ), либо их следует приводить в Общей части, а также в начале главы или группы норм.

6. В УК РФ, учитывая традиции отечественного законодательства и опыт зарубежных стран, необходимо определиться с таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления, вызванного опьянением. В связи с этим ст. 23 целесообразно изложить в следующем виде:

«Статья 23. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях в зависимости от характера преступления».

Также оправданным будет дополнить ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пунктом «р» следующего содержания: *«совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. Суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность».*

Наконец, следует внести в примечание к ст. 264 пункт 2, изложив его в следующем виде: *«Суд вправе, в зависимости от обстоятельств совершения преступления, не учитывать состояние опьянения в качестве квалифицирующего признака».*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алауханов Е.О. Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом // Научные основы уголовного права и процесса глобализации: Материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М., 2010. С. 9.

² См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учеб. пособие. М., 1998. С. 24.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 15.

⁴ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). С. 27.

⁵ См.: Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 24.

⁶ См.: Безина А.К. Судебная практика по трудовым делам: Учеб. пособие для магистров права. Казань, 2002. С. 24.

¹ Sm.: Alauhanov E.O. Problemy sootnosheniya nacional'nogo ugovol'nogo prava s mezhdunarodnym ugovol'nym pravom // Nauchnye osnovy ugovol'nogo prava i processa globalizacii: Materialy V Rossijskogo kongressa ugovol'nogo prava (27–28 maja 2010 g.). M., 2010. S. 9.

² Sm.: Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran (Anglii, SShA, Francii, Germanii): Ucheb. posobie. M., 1998. S. 24.

³ Sm.: David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1997. S. 15.

⁴ Sm.: Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran (Anglii, SShA, Francii, Germanii). S. 27.

⁵ Sm.: Solov'ev O.G. Prestupleniya v sfere nalogooblozheniya (st. 194, 198, 199 UK RF): problemy juridicheskoy tehniki i differenciacii otvetstvennosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. Jaroslavl', 2002. S. 24.

⁶ Sm.: Bezina A.K. Sudebnaja praktika po trudovym delam: Ucheb. posobie dlja magistrrov prava. Kazan', 2002. S. 24.

- ⁷ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 12.
- ⁸ См.: Ведерникова О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1. С. 69.
- ⁹ См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Моногр. / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 11.
- ¹⁰ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 149.
- ¹¹ Цит. по: Там же. С. 95.
- ¹² Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 179.
- ¹³ См.: Иванов Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность. 1998. № 3. С. 44–45.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 44.
- ¹⁶ См.: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С. 201–202.
- ¹⁷ Цит. по: Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1908. С. 229.
- ¹⁸ См.: Антонян Б.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 119.
- ¹⁹ См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. С. 184.
- ²⁰ См.: Векленко С.В. О влиянии состояния опьянения на вину и ответственность. <http://www.lawtech.ru/pub/aopia.htm>
- ²¹ См.: Чупрова О.Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 5.
- ²² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г.). СПб., 2001. С. 137.
- ⁷ Sm.: Malinovskij A.A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugovolnogo prava. M., 2002. S. 12.
- ⁸ Sm.: Vedernikova O.N. Sovremennye ugovolno-pravovye sistemy: tipy, modeli, harakteristika // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 1. S. 69.
- ⁹ Sm.: Dodonov V.N. Sravnitel'noe ugovolnoe pravo. Obshhaja chast': Monogr. / Pod obshh. i nauch. red. S.P. Shherby. M., 2010. S. 11.
- ¹⁰ Sm.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj otvetstvennosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. M., 2000. S. 149.
- ¹¹ Cit. po: Tam zhe. S. 95.
- ¹² Sitkovskaja O.D. Psihologija ugovolnoj otvetstvennosti. M., 1998. S. 179.
- ¹³ Sm.: Ivanov N. Otvetstvennost' za prestuplenija, sovershennye v sostojanii op'janenija // Zakonnost'. 1998. № 3. S. 44–45.
- ¹⁴ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁵ Sm.: Tam zhe. S. 44.
- ¹⁶ Sm.: Ivanov N.G. Anomal'nyj sub#ekt prestuplenija: problemy ugovolnoj otvetstvennosti. M., 1998. S. 201–202.
- ¹⁷ Cit. po: Sergievskij N.D. Russkoe ugovolnoe pravo. SPb., 1908. S. 229.
- ¹⁸ Sm.: Antonjan B.M., Borodin S.V. Prestupnost' i psihicheskie anomalii. M., 1987. S. 119.
- ¹⁹ Sm.: Sitkovskaja O.D. Psihologija ugovolnoj otvetstvennosti. S. 184.
- ²⁰ Sm.: Veklenko S.V. O vlijanii sostojanija op'janenija na vinu i otvetstvennost'. <http://www.lawtech.ru/pub/aopia.htm>
- ²¹ Sm.: Chuprova O.N. Differenciacija otvetstvennosti v ugovolnom prave stran kontinental'noj Evropy i Rossii: komparativistskij aspekt: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2008. S. 5.
- ²² Ugolovnyj kodeks Respubliki Uzbekistan (s izm. i dop. na 15 ijulja 2001 g.). SPb., 2001. S. 137.